

А. В. Ивченко

ПОДБОЙНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ДРОМОСАХ ЗЕМЛЯНЫХ СКЛЕПОВ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

Представлены подбойные погребения в стенках дромосов грунтовых склепов некрополя Ольвии. Рассматриваются вопросы истории их исследования и их соотношения с захороненными в камерах склепов, затронута проблема датировки.

Ключевые слова: Некрополь Ольвии, подбойные погребения, дромос, земляной.

История археологических исследований некрополя Ольвии насчитывает свыше 150 лет. При этом далеко не все вопросы, связанные с этой темой, как общие, так и частные, нашли свое отражение в историографии. Примером этому могут служить подбойные погребения, устроенные в стенках дромосов грунтовых склепов. Одним из первых очень коротко о подобных захоронениях написал еще Б. В. Фармаковский в своем отчете за 1913–1915 гг. [ОАК, 1913-1915, с. 36]. Ю. И. Козуб, которая изучала некрополь Ольвии классического времени, о таких погребениях не упоминает [Козуб, 1974]. М. Парович-Пешикан в работе, посвященной некрополю Ольвии эллинистического времени, при описании «характерных черт склепов II – I вв. до н.э.», одним предложением написала, что в дромосе склепа 1910/41¹ была обнаружена ниша, в которой было сделано подбойное погребение римского времени [Парович-Пешикан, 1974, с. 36]. Несколько более развернуто, но тоже в целом очень кратко, коснулась этой проблемы В. А. Папанова. По ее мнению: «В римский период в стенах дромоса склепов часто сооружались подбои ..., в которых, как правило, хоро-

нили детей, но были и исключения. Так в подбое дромоса склепа 1968/1¹ находилось парное захоронение женщины и ребенка ... Подбои сооружались в дромосах склепов как эллинистического, так и римского периодов» [Папанова, 2006, с. 107-109]. При этом ни один из авторов не приводит ни общего количества учтенных им погребений, ни конкретного количества склепов, в дромосах которых были сделаны подобные захоронения. Поэтому общий вопрос о подбойных погребениях в дромосах грунтовых склепов некрополя Ольвии, а также целый ряд других вопросов, вытекающих из него, в том числе, об особенностях их конструкции, их датировки и ее соотношения с датой сооружения самих склепов, и, наконец, о статусе похороненных в таких захоронениях до сих пор остаются открытыми.

Впервые подобные захоронения были обнаружены В. Н. Ястребовым в 1894 г. (погребение 1894/7) [ОАК, 1894, с. 99-100] и с тех пор встречались при исследованиях некрополя Ольвии достаточно регулярно. Обработать весь массив археологически исследованных погребений, начиная от конца XIX в., по объективным данным автору не удалось, однако в данной работе учтены практически все захоронения, которые были введены в научный оборот, и часть из тех, сведения о которых содержатся в научных отчетах, хранящихся в

1. Здесь и далее по тексту при упоминании конкретных захоронений сначала упоминается год раскопок и через «слеп» номер погребения.

Научном архиве Института археологии НАН Украины. Выборка отчетов была строго случайна.

Целью данной статьи является попытка выяснения локализации подбойных захоро-

2. Учтены результаты 78 раскопочных сезонов на некрополе Ольвии. При этом вследствие полноты публикаций и доступности архивных данных годы 1894 [Ястребов, 1986, с. 98-103], 1896 [Фармаковский, 1898, с. 199 – 212], 1901-1903 [Фармаковский, 1903, с. 1 – 95; 1908, с. 1 – 70], 1920 [Семенов-Зусер, 1920], 1925, 1926 [Фармаковский, 1926], 1962 [Козуб, 1962], 1964-1975 [Козуб, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975], 1978 [Козуб, 1978], 1980 [Бураков, 1980], 1982, 1983 [Козуб, Папанова, 1982, 1983], 1985-1992 [Козуб, Папанова, 1985, 1986, 1987, 1988; Крыжицкий, Липавский, 1989, 1990; Крыжицкий, Папанова 1991, 1992], 1995-2013 [Ивченко, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013; Ивченко и др., 2006; 2007 Козуб, 1995, 1997, 1999, 2000; Козуб, Стоянов, 2001; Козуб и др., 2005; Козуб та ін., 2002, 2003, 2004; Папанова, 1998] были учтены в полном объеме, а годы 1900 [Кулаковский, 1902, с. 3-12], 1904-1915 [Фармаковский, 1907, с. 1-41; 1908, с. 1-35; 1909, с. 1-50; 1910, с. 1-66; 1913, с. 1-105; 1914, с. 1-25; 1916, с. 1-35; 1918, с. 1-51], 1930 [Парович-Пешикан, 1974, с. 28; рис. 17], 1946 [Капошина, 1946], 1956 [Парович-Пешикан, 1974, рис 3; 74, 2; 83, 1; 85, 1-2; 90,14; Фурманская, 1959, с. 133-138] – только в той мере, которая оказалась доступна.

3. Погребения приводятся попарно (сначала дается номер склепа, потом впускного погребения): 1894/7 (оба погребения идут под одним номером) [Ястребов, 1896, с. 99-100], 1904/24 и 1904/23 [Парович-Пешикан, 1974, с. 181, Фармаковский, 1907, рис. 48], 1904/29 и 1904/30 [Фармаковский, 1907, рис. 48], 1910/41 и 1910/41а [Козуб, 1974, с.149; Парович, 1974, с. 197-198], 1913/68 и 1913/68а [Парович-Пешикан, 1974, с. 167, 193], 1913/78 и 1913/78а [Парович-Пешикан, 1974, с. 163], 1915 31б и 31а [Фармаковский, 1918, с. 36], 1920/42а и 1920/42б [Папанова, 2006, с. 238], 1920/132а и 1920/132б [Папанова, 2006, с. 248], 1967/8 и 1968/2 [Козуб, 1967, с. 15-16; Козуб, 1968, с. 8], 1971/5 и 1971/6 [Козуб, 1971, с. 10-14], 1974/5 и 1973/18 [Козуб, 1973, с. 27; Козуб, 1974, с. 31-34], 1983/10 и 1983/бн [Козуб, Папанова, 1983, с. 19-23], 2002/6 и 2002/5 [Козуб та ін., 2002, с. 12-13; 2003, с. 17-24], 2005/1 и 2005/1а [Козуб и др. 2005, с. 14-25], 2006/3 и 2006/4 [Ивченко и др., 2007, с. 44-48; Козуб и др., 2006, с. 54-59], 2008/6 и 2009/2 [Ивченко, 2008, с. 19-26; Ивченко, 2009, с. 25-27], 2013/2 и 2013/14 [Ивченко, 2013, с. 23-29, с. 45-51].

4. Пять процентов склепов, в которых были совершены впускные захоронения, от общего количества учтенных склепов, позволяют считать, что подбойные могилы были неординарным случаем, вызванным какими-то особыми причинами или представлениями.

5. Речь идет о верхе свода подбоя.

6. В данном случае не приводятся абсолютные величины потому, что для большинства учтенных по этому параметру объектов выяснить их не было возможности, и они оценивались приблизительно.

7. В одном случае женщина и ребенок, во втором – ребенок и ребенок.

нений в пространстве грунтового склепа, особенности их конструкции, поло-возрастные характеристики захороненных и их хронологическое соотношение с погребенными в камерах. Всего было обработано 1980 погребений², из которых 345 оказались грунтовыми склепами. В дромосах этих склепов было открыто 18 подбойных могил³, что составляет 5,2 % от общего количества захоронений в грунтовых склепах.

В процессе обработки базы данных вопрос локализации подбойных погребений в пространстве склепа был разделен на два пункта: расстояние между входом в дромос и камерой и ориентация захороненных. Поскольку пока не существует достаточных оснований говорить о системе ориентации ольвийских грунтовых склепов вообще, имеет смысл попытаться оценить расположение костяков во второстепенных⁴ захоронениях только относительно направления самого склепа. Поэтому было подсчитано положение костяков относительно продольной оси склепа, считая от входа в дромос. Оказалось, что 8 подбоев были впущены в правую стенку дромоса, 6 – в левую, о расположении трех данные отсутствуют. Возможно, еще один подбой был совершен при входе в дромос поперек длинной оси, но, поскольку это раскопки 1894 г. [Ястребов, 1894, с. 99-100], и доступные сведения о данном объекте мало информативны, до получения новых данных этот объект можно не принимать во внимание. Девять погребенных были уложены головами ко входу в дромос, два – в сторону камеры, в одном случае (парное погребение детей) они были разнонаправлены и еще в шести случаях их ориентация не известна.

Выяснение расположение подбоя относительно входа в дромос имеет смысл потому, что все они были сделаны на глубине⁵, не превышающей 0,5 м от уровня фиксации объектов. При этом, в зависимости от удаления от входа, расстояние от пола подбоя до дна дромоса варьировалось от 0,5 до 3,0 м. Такая ситуация косвенно может говорить о порядке заполнения дромосов грунтом. Из 18 выявленных погребений⁶ пять находились ближе к входу, семь – ближе к камере, расположение шести по существующим данным установить не удается.

Поло-возрастные характеристики оценивались по следующим параметрам: число захороненных, их пол и возраст. Оказалось, что из восемнадцати случаев в одиннадцати было захоронено по одному человеку, в двух – по двое⁷, еще для пяти случаев данных нет. В одном случае в подбое был захоронен мужчина, в одном случае женщина (вместе с ребенком), в пяти – дети (считая парное захоронение детей). Для оставшихся двенадцати четких ан-

тропологических определений нет, однако размеры могильных ям (там, где они известны), позволяют предполагать, что это захоронения детей или подростков.

Не менее интересен вопрос о датировке. По сложившимся в литературе представлениям, ко времени развитой классики относится одно погребение (1920/42а), поздней классики – раннего эллинизма – пять, развитого эллинизма одно, римского времени – девять, еще по одному погребению нет данных. Захоронение 1983 г., которое в отчете не имеет порядкового номера, было «совершенно дважды». В камеру склепа ведут два дромоса, один из которых, по мнению автора раскопок, относится к эллинистическому, а второй – к римскому времени. Аналогии подобным случайным совпадениям разновременных могил на ольвийском некрополе известны (например, погребение 2002/6 [Козуб та ін., 2002, с. 12-13; 2003, с. 17-24].

Вопрос о времени появления грунтовых склепов ольвийского некрополя до сих пор остается дискуссионным. Соответственно, вопросы вызывает и время появления подбойных погребений в дромосах. Ю.И. Козуб, которая единственная продатиовала погребения № 42а, и 42б, раскопанные С.А. Семеновым-Зусером в 1920 г., концом V – IV вв. до н.э., ни в тексте самой монографии [Козуб, 1974], ни в приложенном к работе каталоге погребений, не приводит ни ссылок на точные датировки монет, ни одной иллюстрации вещей, которые были там найдены. В архиве ИА НАНУ хранится только часть фотографий, сделанных в 1920 г. С.А. Семеновым-Зусером. К сожалению, ни на одной из них нет вещей, найденных в этих погребениях [Семенов-Зусер, 1920]. В описании погребений, сделанных автором раскопок, никаких дат не приводится. Поэтому проверить время бытования вещей, а, следовательно, и самих погребальных комплексов, не представляется возможным. Несомненным является факт, что во время эллинизма подобные захоронения уже существовали (погребение 2009/2 [Ивченко, 2008, с. 19-26; Ивченко, 2009, с. 25-27].) и самое большое их количество относится к первым векам н.э.

Вопрос об абсолютных датах впускных погребений в стенку грунтовых склепов некрополя Ольвии не входит в задачи данной статьи. С хронологической точки зрения здесь рассматривается только примерное временное соответствие или несоответствие впускных погребений основным захоронениям в камерах. При этом приходится принимать во внимание, что все без исключения камеры склепов были в той или иной мере разграблены, а основная часть подбойных могил, по крайней мере, тех, которые были раскопаны

после Второй мировой войны и сведения о которых доступны и полны, были зафиксированы *in situ*. Из 18 учтенных случаев в 12 (погребения 1910/41 и 41а, 1913/68 и 68а, 1920/42а и 42б, 1920/132а и 132б, 1967/8 и 1968/2, 1971/5 и 6, 1973/18 и 1974/5, 2002/6 и 5, 2005/1 и 1а, 2006/3 и 4, 2008/6 и 2009/2, 2013/2 и 14) удалось продатировать и впускные погребения, и, с меньшей степенью вероятности, время сооружения камеры. Практически во всех этих случаях погребения оказываются примерно синхронными. Исключениями могут быть два объекта: погребения 1910/41 и 41а г. и погребения 2006/3 и 4 г.

В первом случае единственным предметом, найденным в погребении ребенка в подбое, была бронзовая ольвийская монета «дельфин», время бытования которых относится в целом к V – IV вв. до н.э. [Анохин, 1989]. В то же время, Ю.И. Козуб относит погребения, совершенные в камере, к IV в. до н.э., а М. Парович-Пешикан – к III – II вв. до н.э. Во втором – единственным предметом, который сопровождал ребенка, захороненного в подбое, был сетчатый лекиф, датируемый IV в. до н.э., а сама камера относилась к римскому времени.

Обращает внимание, что в обоих приведенных случаях время сооружения подбойного захоронения в стенке дромоса является более ранним, чем время основных захоронений в камере, что представляется маловероятным. Кроме этого, в 2013 г. было открыто подбойное захоронение № 14, которое может дать определенную информацию по этому вопросу. Поэтому имеет смысл привести его подробное описание.

Погребение было обнаружено в верхней части засыпи дромоса земляного склепа № 2 на расстоянии 1,68 м от края камней заклада в его западной стенки на глубине 0,38 м от уровня фиксации (рис. 1). От дна подбоя до дна пандуса дромоса было 0,54 м с южного края и 0,09 м с северного. Роль заклада исполнял вертикально стоящий вплотную к стенке дромоса камень-известняк трапециевидной формы. Рядом с ним найдены также у стенки два мелких бутовых камня и еще два небольших камня были найдены на уровне дна дромоса ближе к камням заклада.

После снятия большого камня за ним был обнаружен уходящий в стенку дромоса подбой. В плане подбой выглядел как трапеция с ровными восточной и северной и несколько выгнутыми наружу западной и южными стенками (рис. 2). Общая длина подбоя по стенке дромоса равнялась 1,28 м, длина западной стенки 1,09 м. Ширина у южного края составляла 0,45 м, в центре – 0,58 м, у северного края – 0,62 м. Свод подбоя был практически ровный, плоский, слегка закругленный к зад-

ней стенке, высота подбоя у входа 0,27–0,25 м, у задней стенки 0,15 м.

По некоторым остаткам можно предположить, что в подбой было поставлено легкое деревянное гробовище прямоугольной формы длиной 0,91–0,92 м и шириной около 0,35 м. Так за головой погребенного в 0,07 м от черепа прослежен фрагмент поперечной доски, идущий с запада на восток, длиной 0,35 м, высотой – 0,07 м. С севера у восточного края этой доски вертикально острием вниз стоял железный гвоздь. Рядом с ним были зафиксированы остатки еще одного вертикально и одного горизонтально расположенного гвоздя. От этих гвоздей к югу шел след еще одной деревянной доски длиной 0,44 м, который проходил с западной стороны от сосудов, поставленных непосредственно у входа в подбой (краснолаковая чаша и фигурный сосуд). У конца этой доски острием вверх стоял еще один железный гвоздь. К северу от краснолаковой чаши горизонтально лежал еще один железный гвоздь, который располагался чуть

выше пола. Другой такой же гвоздь лежал между ним и чашей. Под ними непосредственно в остатках продольной деревянной доски стоял еще один вертикальный гвоздь, направленный острием вниз. Между ним и внешними (угловыми) гвоздями горизонтально располагался еще один гвоздь, направленный острием ко входу в подбой. Он находился в заполнении на 0,06 м выше дна подбоя. Остатки еще одного железного гвоздя, расположенного острием вниз, были найдены на краю подбоя над фигурным сосудом по его середине на 0,12 м выше его.

В юго-западном углу подбоя был зафиксирован угол гробовища. От него под прямым углом расходились остатки двух досок. Длина южной составляла 0,08 м, западной – 0,07 м. Вдоль южной доски острием к входу в подбой друг над другом были найдены два гвоздя. Над ними вертикально стоял третий гвоздь. В юго-западном углу подбоя под западной стенкой на расстоянии 0,37 и 0,41 м от восточного края и 0,13 и 0,24 м от южного соответственно в стенке подбоя зафиксированы следы железных гвоздей.

Всего к остаткам гробовища можно отнести четыре целых железных гвоздя, пять фрагментированных и 12 мелких фрагментов гвоздей. Все гвозди кованые, с квадратным в сечении острием с шириной острия возле шляпки 0,5 см. В тех случаях, когда сохранилась шляпка, она имеет «грибовидную» и, в одном случае «конусовидную» форму. Длина целых гвоздей варьируется от 6,4 до 9,2 см.

На дне подбоя вытянуто на спине с вытянутыми конечностями головой на север-северо-восток лицом к югу был положен ребенок. Кости левой руки отсутствуют, от правой сохранилась только плечевая кость. От ног сохранились бедренные кости и большая берцовая кость правой ноги, которая лежала не в анатомическом порядке. Череп ребенка был деформирован, однако установить, была ли эта деформация искусственной или естественной, не удалось вследствие очень плохой сохранности костей.

Вместе с ребенком в пределах гробовища были зафиксированы предметы, которые можно отнести к деталям костюма, украшениям и предметам личного обихода, а также два стеклянных

Рис. 1. Вид погребения 2013/14 с востока (1) и юго-востока (2)

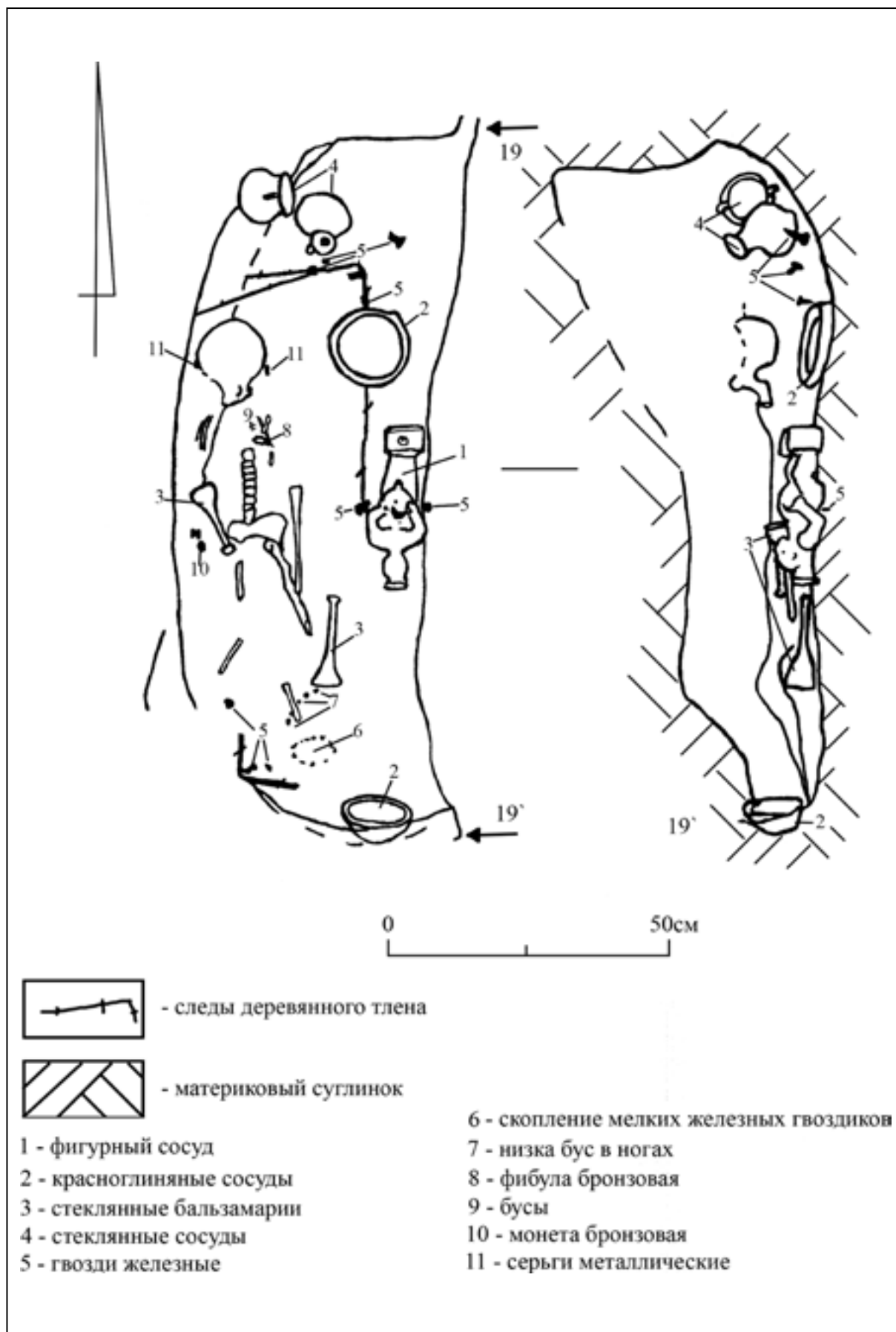

Рис. 2. Чертеж погребения 2013/14, план и разрез со стороны дромоса

сосуда. В районе черепа погребенного оказалась связка мелких пастовых бус и бисера, среди которых было несколько небольших стеклянных подвесок и пронизей. У черепа *in situ* по обе стороны лежали по одной калачиковидной серьге с закругленными концами из белого металла. Непосредственно под черепом были найдены бронзовая игла и три астрагала. На левой стороне груди погребенного поперек костяка лежала расстегнутая бронзовая лучковая фибула длиной 0,05 м. Под правой рукой погребенного в районе кисти найдена бронзовая монета. В районе локтя правой руки было найдено несколько мелких бисерин. На верхней части груди с левой стороны лежала граненая бусина из голубой пасты.

Вокруг фаланг пальцев ног было зафиксировано еще несколько предметов. Здесь, очевидно, лежало ожерелье, в которое входило несколько пастовых и костяных бус (в т.ч. 6 целых и одна фрагментированная биконическая бусина, одна пронизь, одна дольчатая маленькая бусина египетского фаянса, одна плоская дисковидная костяная бусина, одна бронзовая треугольная скобочка), тонкая бронзовая монета с отверстием в верхней части и надчеканкой и фрагмент зуба ископаемой акулы. Чуть южнее них было обнаружено 40 железных очень мелких гвоздиков, взаимное расположение которых точно не удалось проследить. Верхние из них образовывали форму овала размерами 0,08 x 0,05 м с востока на запад, но в дальнейшем их общий абрис потерял четкие контуры.

В 0,05 м к западу от фигурного (но уже, очевидно, в пределах гробовища) на дне подбоя лежал стеклянный сосуд. За костяком ближе к западной стенке подбоя располагался еще один, аналогичный ему. Еще три керамических и два стеклянных сосуда были найдены за пределами гробовища.

Примерно по середине подбоя на самой его границе вдоль нее с восточной стороны на дне ямы лежал венчиком на юг фигурный сосуд, изображающий человека негроидного типа, стоящего на пьедестале со стригилем в правой руке. К северу от фигурного сосуда на расстоянии 0,08 м на дне подбоя стояла вертикально краснолаковая чаша. В 0,04 м к северу от краснолаковой чаши на 0,11 м выше дна подбоя венчиком вверх стоял небольшой стеклянный одноручный кувшин. Между этим кувшинчиком и северной стенкой подбоя зафиксирован еще один стеклянный двуручный сосуд, лежавший на боку горлом ко входу в подбой. В ногах погребенного за пределами гроба у южной стенки подбоя в 0,16 м от его восточного края горизонтально на боку устья к северу лежала еще одна краснолаковая

чаша. Расстояние до нее от юго-западного угла гробовища составляло 0,18 м.

К элементам одежды и личных украшений погребенного можно отнести следующие находки:

- небольшая серьга из белого металла неправильно округлой формы диаметром 1,2 см из тонкой округлой в сечении проволоки диаметром 0,15 см; один край оформлен петлей и оставшаяся часть проволоки намотана на основу в шесть с половиной оборотов; второй конец загнут крючком, но кончик крючка обломан;

- небольшая серьга из белого металла «каплевидной» формы размерами 1,0 x 1,0 см из подквадратной в сечении проволоки с размерами сторон в 0,15 см; концы проволоки внахлест примыкают друг к другу;

- фибула бронзовая арбалетовидная, с выгнутой спинкой и коротким приемником; длина иголки 4,8 см, длина фибулы 5,4 см, высота прогиба спинки 1,3 см, ширина спинки 1,1 см; спинка имеет «иволистную» форму, вдоль продольной оси спинки идет линия очень мелких четко проработанных пунсонных точек; спираль имеет четыре оборота. Наиболее близкими по общей схеме и форме спинки к данному изделию являются фибулы группы 8 серии I, группы 9 варианта 2 и группы 11 формы 9 по В.В. Кропотову, которые датируются второй половиной I – II вв. н.э. (группа 8 серия I) и большей частью II в н.э. (без его последних десятилетий) [Кропотов, 2010, с. 183-184; рис. 55,15,17; с. 211-213, рис. 61,1,2,10; с. 251-254, рис. 70,6].

- 39 бусин, найденных в районе шеи: шарик белого стекла один, подвеска полусферическая с выделенной шейкой белого стекла фрагментированная одна, фрагментов подвесок белого стекла два, пронизь трехчастная зеленого стекла одна, бусина крупная бочонковидная белой пасты одна (не сохранилась), бусина бочонковидная белой пасты одна, бусина бочонковидная белой пасты с темным покрытием одна, бус четырнадцатигранных белой пасты с салатным покрытием три, бисерин египетского фаянса бочонковидных светло-голубого цвета четыре, бисерин рубленых египетского фаянса цилиндрических голубого цвета 16, фрагментов таких бисерин четыре, бусина костяная цилиндрическая одна, бусина костяная шестигранная удлиненная одна, бусина костяная бочонковидная одна, подвеска костяная удлиненная пятичастная одна.

- семь бусин, обнаруженных в районе черепа и верха правой руки: бусина крупная бочонковидная белой пасты (не сохранилась), бусина бочонковидная черной пасты одна (фрагмент пронизи) высотой 0,4 см, диаметром 0,4 см диаметр отверстия 0,1 см, бисерин

бочонковидных голубого египетского фаянса две (высотой 0,4 см, диаметром 0,6 см, одна в четырех фрагментах), бисерин цилиндрических голубого египетского фаянса две (высотой 0,25 см, диаметром 0,3 см, с диаметром отверстия 0,15 см), бисер гагатовый цилиндрический один (высота 0,2 см, диаметр 0,4 см, диаметр отверстия 0,2 см);

- ожерелье, состоявшее из 11 единиц, зафиксированное в ногах погребенного: кольцо бронзовое из квадратной в сечении проволоки размером 0,2 x 0,2 см с сомкнутыми концами подовальной формы размерами 1,5 x 1,1 см, четыре биконические бусины светло-синего стекла (одна развалилась на две части) высотой 1,0 см, диаметром большим 1,3 см, меньшим 0,4 см, с диаметром отверстия 0,13 см, две биконические бусины темно-синего стекла высотой 0,9 см, с большим диаметром 1,1 см, меньшим 0,4 см и диаметром отверстия 0,2 см, фрагмент цилиндрической цельной проници светло-синего стекла, бусина практически цилиндрическая (слабо выпуклая) длиной 1,1 см, диаметром 0,4 см, с диаметром отверстия 0,1 см, украшенная тремя белыми накладными волнистыми полосами, плотно расположенными, бочковидная бусина из зеленого египетского фаянса с косоидущими неглубокими вертикальными бороздками по тулову высотой, 9 см, диаметром большим 1,2 см, меньшим 0,8 см и диаметром отверстия 0,5 см, плоская костяная бусина неправильной овальной формы высотой 0,5 см, размерами 1,7 x 1,5 см, с диаметром отверстия 0,3 см, фрагмент зуба ископаемой акулы треугольной формы с закругленной верхушкой, сохранившаяся высота 3,4 см. Кроме этого, в состав этого ожерелья входила сильно истертая монета с отверстием в верхней части. Сама монета – ольвийский дуподий, которая датируется временем около 85-86 г. н.э. В 98-161 гг. н.э. на ней была сделана надчеканка;⁸

- ольвийская бронзовая монета, обнаруженная в правой руке погребенного, которая, датируется временем ок. 300 – 280 гг. до н.э.;

- под черепом лежали три астрагала и бронзовая иголка с ушком длиной 9,0 см, которая не сохранилась.

Кроме того, в гробовище были положены унвентарии с удлинненным цилиндрическим горлом и низким коническим туловом. Венчик валикообразный, образовавшийся вследствие загибания края в петлю. Донце вогнутое, со следами подсыпки. На горле вертикальные складки, появившиеся в процессе вытягивания. Стекло с пузырьками, прозрачное, с легким голубоватым оттенком. Поверхность местами иридизированная. Размеры первого: высота – 13,1 см; диаметр вен-

чика – 0,21 x 0,19 см; диаметр дна – 0,39 см; диаметр горла в средней части – 0,11 см. Размеры второго: высота – 1,37 см; диаметр венчика – 0,21 x 0,22 мм см; диаметр дна – 0,40 см; диаметр горла в средней части – 0,10 см.

За пределами гроба располагались, в изголовье:

- кувшинчик стеклянный одноручный;
- кубок стеклянный двуручный.

В ногах:

- чаша краснолаковая с двойными аркообразными рудиментарными ручками по венчику. По Т.Н. Книпович подобная керамика датируется концом I – II вв. н.э. [Книпович, 1952, С. 302];

- 40 небольших декоративных гвоздиков, очевидно, представлявших собой элементы какого-то деревянного изделия.

У входа в подбой:

- тарелка краснолаковая с тремя розетками по венчику и почковидным клеймом на внутренней стороне дна (с внешней стороны дна было прочерчено граффито в виде креста). Такие тарелки, в том числе со сходным клеймом, по Д.В. Журавлеву относятся к группе понтийской сигилляты А (тип 1.1.2) и датируются четвертой четвертью I – первой четвертью II вв. н.э. [Журавлев, 2010, кат. №№ 58-60, с. 42; табл. 11];

- сосуд краснолаковый одноручный фигурный, который представляет собой гротеск: пузатый человек негроидного облика на постаменте со стригилем в правой руке. Качество лака плохое. На спине располагалась ручка, отбитая в древности. С передней стороны постамент изображена лавровая ветвь над кругом, с задней – тамгообразный знак.

Исходя из датировки сосудов и монеты с надчеканкой, данное погребение можно отнести к первой половине II в. н.э. Причем, монета с надчеканкой явно была включена в состав ожерелья, которое было уложено в ногах и, очевидно, являлось апотропеем. Но при этом, в руку погребенного («обол Харона») была вложена монета начала III в. до н.э., которая на момент совершения погребения уже не могла иметь хождения в Ольвии.

Таким образом, можно предположить, что сам факт использования случайно сохранившихся или найденных вещей, которые ко времени совершения захоронений давно в активном быту не использовались, не является чем-то невероятным.

Необходимо учесть, что в ряде случаев сооружение детских подбойных захоронений особых дополнительных затрат не вызывало. Так, в только что описанном погребении, при всем богатстве и разнообразии сопровождающего его инвентаря, сооружение заклада свелось к минимуму усилий. В то же время по-

8. Все определения монет сделаны В.В. Крутиловым.

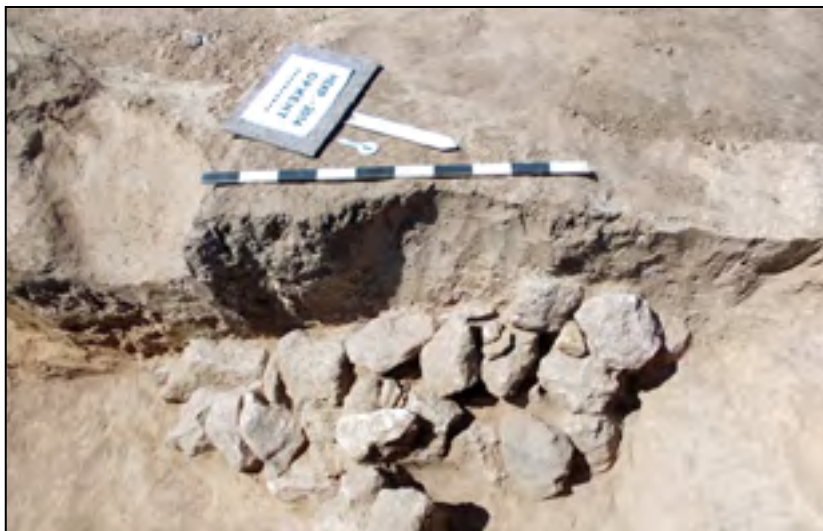

Рис. 1. Вид погребения 2013/14 с востока (1) и юго-востока (2)

гребение 2014/2 г.⁹, которое датируется тем же временем и было несколько беднее по инвентарю (два стеклянных и два краснолаковых сосуда, монета и элементы одежды), отличалось на редкость капитальным закладом (28 камней большого и среднего размеров – рис. 3). Несколько меньший, но тоже основательный заклад был у мужчины, которого захоронили в погребении 2005/1а г., хотя его сопровождали только монета, найденная в районе руки, и лежавшая рядом с ней гагатовая бусина.

В целом, рассмотренная информация о подбойных погребениях в дромосах земляных склепов, дополненная нашими собственными наблюдениями, позволяет сделать определенные выводы. Эти выводы, безусловно, носят предварительный характер, но опыт исследования подобных погребений дает основание их сделать.

1. Подбойные погребения в стенках дромосов земляных склепов синхронны относительно погребений в камерах и они связаны одной традицией сооружения.

2. В большинстве достоверно установленных случаев это захоронения детей (погребение мужчины и женщины с ребенком может считаться исключением).

3. Пять процентов от общего количества археологически исследованных склепов не соответствуют существующим представлениям о статистике детской смертности ни в эллинистический, ни в римский период [Сударев, 2005].

4. Вполне вероятно, что прослеженная традиция совершения подбойных погребений в дромосах земляных склепов представляет собой определенный ритуал, который не обяза-

тельно связан с кровным родством погребенных, а, вполне возможно, с их прижизненными социальным статусом или религиозными представлениями.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья – К., 1989. – 127 с.

Бураков А.В. Земляной склеп Ольвийского некрополя / Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Сборник научных трудов. – К., 1980. – С. 64-76.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (по материалам позднеантичных некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ – 2010. – Supplement, вып. 9 – 318 с.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 2008 г. // НА ИА НАН Украины. – 2008 /200.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 2009 г. // НА ИА НАН Украины. – 2009/59.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках и разведках на территории предместья и некрополя Ольвии в 2010 г. // НА ИА НАН Украины. – 2010/б/н.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории предместья и некрополя Ольвии в 2011 г. // НА ИА НАН Украины. – 2011/б/н.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2012 г. // НА ИА НАН Украины. – 2012/116.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2013 г. // НА ИА НАН Украины. – 2013/б/н.

Ивченко А.В., Диденко С.В., Ланг Е.А. Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2007 г. // НА ИА НАН Украины. – 2007/71.

Капошина С.И. Дневник раскопок некрополя Ольвия, 1946 год // НА ИА НАН Украины. – 1946/9.

Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. -1952 – № 25. – С. 289 - 326.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках Ольвии в 1962 г. // НА ИА НАН Украины. – 1962/6.

9. Оно было открыто во время написания этой статьи и поэтому в данной работе учтено не было.

- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках на некрополе Ольвии в 1964 г. // НА ИА НАН Украины. – 1964/12.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках на территории Ольвийского некрополя Ольвии в 1965 г. // НА ИА НАН Украины. – 1965/8.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках территории Ольвийского некрополя в 1966 г. // НА ИА НАН Украины. – 1966/20.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках Западного района Ольвии в 1967 г. // НА ИА НАН Украины. – 1967/7а.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках западной окрестности Ольвии в 1968 году // НА ИА НАН Украины. – 1968/126.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках территории Ольвии к западу от Заячьей балки (некрополь и поселение) в 1969 году. // НА ИА НАН Украины. – 1969/176.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках Ольвии в 1970 году (береговой район – участок Б-VIII) // НА ИА НАН Украины. – 1970/166.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках западного предградья Ольвии (поселение и некрополь) в 1971 // НА ИА НАН Украины. – 1971/20е.
- Козуб Ю.И.* Отчет по работе загородного отряда Ольвийской экспедиции по изучению некрополя в 1972 г. // НА ИА НАН Украины. – 1972/26а.
- Козуб Ю.И.* Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции по изучению некрополя в 1973 г. // НА ИА НАН Украины – 1973/13в.
- Козуб Ю.И.* Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАН Украины – 1974/26а.
- Козуб Ю.И.* Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. – К., 1974. – 182 с.
- Козуб Ю.И.* Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1975г. // НА ИА НАН Украины – 1975/21 г.
- Козуб Ю.И.* Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1978г. (раскопки некрополя и предместья) // НА ИА НАН Украины – 1978/24е.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1995 г. // НА ИА НАН Украины – 1995/1а.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1996-1997 гг. // НА ИА НАН Украины – 1997/1в.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1999 г. // НА ИА НАН Украины – 1999/1в.
- Козуб Ю.И.* Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 2000 г. // НА ИА НАН Украины – 2000/1а.
- Козуб Ю.И., Папанова В.А.* Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1982 году // НА ИА НАН Украины – 1982/23а.
- Козуб Ю.И., Папанова В.А.* Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1983 году // НА ИА НАН Украины – 1983/31б.
- Козуб Ю.И., Папанова В.А.* Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1985 г. // НА ИА НАН Украины – 1985/256.
- Козуб Ю.И., Папанова В.А.* Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1986 г. // НА ИА НАН Украины – 1986/5г.
- Козуб Ю.И., Папанова В.А.* Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1987 г. // НА ИА НАН Украины – 1987/8г.
- Козуб Ю.И., Папанова В.А.* Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1988 г. // НА ИА НАН Украины – 1988/7в.
- Козуб Ю.И., Стоянов Р.В.* Отчет о полевых работах на территории предградья и некрополя Ольвии в 2001 г. // НА ИА НАН Украины – 2001/123.
- Козуб Ю.И., Ивченко А.В., Диденко С.В., Ланг Е.А.* Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2005 году // НА ИА НАН Украины – 2005/42.
- Козуб Ю.И., Ивченко А.В., Диденко С.В., Ланг Е.А.* Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2006 г. // НА ИА НАН Украины – 2006/50.
- Козуб Ю.И., Хомчик М.А., Тупчиенко М.П., Ланг Е.О.* Звіт про розкопки передмістя, святилища та некрополя Ольвії на західній околиці в 2002 р. // НА ИА НАН Украины – 2002/142.
- Козуб Ю.И., Тупчиенко М.П., Ивченко А.В., Ланг Е.О.* Звіт про розкопки передмістя та некрополя Ольвії в 2003 році // НА ИА НАН Украины – 2003/159.
- Козуб Ю.И., Ивченко А.В., Ланг Е.О.* Звіт про розкопки некрополя та передмістя Ольвії в 2004 р. // НА ИА НАН Украины – 2004/169.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи – К., 2010 – 382 с.
- Крыжицкий С.Д., Липавский С.А.* Отчет о полевых исследованиях на участке «Некрополь» в Ольвии в 1989 году // НА ИА НАН Украины – 1989/5.
- Крыжицкий С.Д., Липавский С.А.* Отчет о работе на участке Некрополь в Ольвии в 1990 г. // НА ИА НАН Украины – 1990/18а.
- Крыжицкий С.Д., Папанова В.А.* Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 1991 году // НА ИА НАН Украины – 1991/17в.
- Крыжицкий С.Д., Папанова В.А.* Отчет. Раскопки некрополя Ольвии в 1992 году // НА ИА НАН Украины – 1992/8г.
- Кулаковский Ю.А.* Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1900 г. – СПб, 1902. – С. 3-12.
- Папанова В.А.* Отчет. Охранные раскопки Некрополя Ольвии (участок в районе Широкой балки) // НА ИА НАН Украины – 1998/1г.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974. – 219 с.
- Семенов-Зусер С.А.* Ольвийский некрополь (раскопки гробниц в 1920 г. на территории древнегреческой колонии Ольвия) // НА ИА НАНУ. – 1920. – Ф. 2, № 120.
- Сударев Н.И.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI – II вв. до н.э. как исторический источник. // Автореферат к.и.н. – Москва, 2005. – 26 с.
- Фармаковский Б.В.* Отчет Б.В. Фармаковского о раскопках, произведенных им в Ольвии и на остр. Березань // ОАК за 1896 год – СПб, 1898. – С. 199 – 212.
- Фармаковский Б.В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК.– СПб, 1903. – вып. 8 – С. 1 – 70

Фармаковский Б.В. Дневник раскопок в Ольвии в 1901 г. // ИАК.— СПб, 1903.— Вып. 8. — С. 71 — 95.

Фармаковский Б.В. Раскопки Ольвии в 1902 — 1903 годах // ИАК. — СПб, 1906. — Вып. 13. — 301 с.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1904 г. — СПб, 1907. — С. 1-41.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1905 г. — СПб, 1908. — С. 1-35.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1906 г. — СПб, 1909. — С. 1-50.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1907 г. — СПб, 1910. — С. 1-66.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1908 г. — СПб, 1912. — С. 1-84.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909-1910 гг. — СПб, 1912. — С. 1-105.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1911 г. — Петроград, 1914. — С. 1-25.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1912 г. — Петроград, 1916. — С. 1-35.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1913-1915 гг. — Петроград, 1918. — С. 1-51.

Фармаковский Б.В. Розкопування Ольвії в 1926 р. (звіт з двома планами й 60 фотознімками) // Одеса, 1929 — 74 с.

Фурманская А.И. Раскопки ольвийского некрополя в 1956 г. // КСИА — К., 1959. — вып. 8. — С. 133-138.

Ястребов В.Н. Отчет о раскопках, произведенных В.Н. Ястребовым в с. Парутино // ОАК за 1884 год — СПб, 1896.—С. 98-103.

А. В. Івченко

ПІДБІЙНІ ПОХОВАННЯ В ДРОМОСАХ ҐРУНТОВИХ СКЛЕПІВ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВІЇ

Стаття присвячена похованням, що були зроблені підбоям в стінках дромосів ґрунтових склепів некрополя Ольвії. Розглянуті питання історії їх дослідження. Звернуто увагу на їх співвідношення з тими, хто був похований безпосередньо у камерах

склепів. Всього було проаналізовано 1980 археологічно досліджених поховань, з яких було виокремлено 18 відповідних об'єктів. Їх аналіз, з урахуванням можливостей, які надає сучасна джерельна база, дав змогу припуститися певних висновків. Поховання у камерах склепів та у стінках їх дромосів одночасові та пов'язані спільною культурною традицією. Переважно це поховання дітей. Їх відносок стосовно загальної кількості склепів, що було оброблено (5,2 %), не відповідає сучасним уявленням про відношення кількості померлих дитячих стосовно кількості померлих дорослих. В результаті здається можливим припустити, що ця традиція пов'язана з певним ритуалом, яка відображає або життєвий соціальний статус дорослих, які були поховані у камерах, або певні релігійні уявлення.

Ключові слова: некрополь Ольвії, поховання у підбоях, дромос.

A. V. Ivchenko

GRAVES IN THE WALLS OF DROMOS OF THE GROUND CRYPTS ON THE OLBIA NECROPOLIS

The article is devoted to the graves that were made in the walls of dromos in ground crypts necropolis of Olbia. This paper examined the history of their research and their relationship with those who were buried directly in the burial chambers of the crypts. 1980 archaeological research graves were analyzed. 18 of them were singled relevant facilities. Their analysis, taking into account the opportunities offered by the current source base, allowed of making certain conclusions.

Burial chambers of the crypts and the graves in the walls of dromos are synchronous and relate common cultural tradition. In a common cases these were burials of children.

Their correlation regarding the total number of crypts that were treated (5.2%) did not meet modern concepts of ratio of dead children in relation to the number of dead adults. We suggest that this tradition is associated with a specific ritual that reflects life or social status of adults in the burial chambers or certain religious beliefs.

Key words: necropolis of Olbio, graves in the walls, dromos.

Одержано 4.04.2015